

Молодежь Фрунзе, Таджикистан, - 1991. - 8 мая. - с. 5.

ТОЛЬКО В НЕРАВЕНСТВЕ САМОМУ СЕБЕ,

ТОЛЬКО ПРИМЕРЯЯ ЧУЖОЮ ЛИЧИНУ МОЖНО ПОСТИЧЬ
РАДОСТЬ И ПОЛНОТУ БЫТИЯ...

Разговор с актерами Бишкекского театра русской драмы состоялся накануне его гастролей по Камчатке и Сахалину. Стал он последним в сезоне, и мы рады, что встреча получилась такой искренней. А творческому коллективу театра желаем успешных выступлений. И так, до осени!

Актеры — представители самой загадочной профессии, должной внушать мистический ужас нормальным людям своей способностью умирать и восставать из небытия по собственному желанию.

Наталья Матвеева — актриса Русского академического драматического театра:

— Мне кажется, что будущие артисты рождаются с предрасположенностью к лицедейству, а вот на подмостки выходят лишь те, кто выживает в процессе отбора.

Сергей Матвеев, заслуженный артист Киргизской ССР, актер Русского академического драматического театра:

— Театр дает мне возможность делать то, что я никогда бы не сделал в жизни...

— С чего в вашей жизни начался театр?

Н. М.: — Наверное, с того, что мне самой пришлось организовывать в нашем селе драмкружок. Вообще, сколько себя помню, я все время пела и допелась до того, что поступила в музыкальное училище. В театр же попала только после поступления в училище. Первым увиденным мною спектаклем была «Травиата» Джузеппе Верди, она и по сей день остается моей любимейшей оперой.

С. М.: — Я пел дома и все знали о моей любви к музыке. Иногда я садился на велосипед и уезжал куда-нибудь подальше, нагорланившись, усталый, но довольный, возвращался домой.

В художественной самодеятельности я не участвовал: как только я поднимался на сцену, спазм сжимал мне горло, не давая петь.

Мечтая втайне о карьере певца, после окончания школы, я предпринял попытку поступить в консерваторию. Я не попал туда. К тому времени голосовые мутации у меня еще не завершились.

Мама, видя мои страдания «по театру», поговорила с главным режиссером Фрунзенского драматического театра, бывшего тогда на гастролях в Алма-Ате. В итоге, я был принят в студию при театре... После нескольких лет работы в театре я отправился в Москву, поступать в ГИТИС, на отделение оперетты.

Н. М.: — Первый год в институте чувствуешь себя человеком, случайно забредшим в искусство, курсе на третьем начинаешь верить в себя, вырастаешь в своих глазах до народного, на крайний случай — до заслуженного.

А когда приходишь в театр, всему приходится учиться заново: общению с партнером, со зрителем..., даже стоять на сцене.

Мне в жизни повезло с педагогами. В школе наша учительница как-то раз сказала нам: «Лучше сказать дважды добро, чем один раз гадость». И подетски приняв ее слова, я пытаюсь следовать в жизни этому принципу.

Необычайно благодарна я Г. П. Ансимову, народному артисту ССР, руководителю нашего курса, который сумел заворочить нас на все пять институтских лет, привить вкус к хорошей драматургии.

С. М.: — Наш курс несколько раз срывал распределение, потому что мы вместе с руководителем мечтали о театре мюзикла, костюмом труппы которого должен быть наш выпуск. Когда стало ясно, что театра не будет, мы с Наташей решили принять предложение вернуться во Фрунзе.

— Как сложилась в дальнейшем Ваша творческая судьба?

С. М.: — Мне как-то не приходится жаловаться на то, как сложилась моя судьба в театре. Работы были разные, широк творческий диапазон. А что нужно, чтобы хорошо сыграть роль, так это получить ту, что наметил себе и втайне мечтаешь.

Мне всегда виделась моя творческая жизнь разбитой на три этапа, вехами которых должны бы были стать шекспировские пьесы: «Ромео и Джульетта», затем «Гамлет» и «Ричард III», наконец, «Король Лир». Но наши желания часто идут параллельно нашей жизни. Пока самыми дорогими работами остаются Кинг в «Смотрите, кто пришел», в спектакле «Старый дом», в только что вышедшем на подмостки спектакле «М. Баттерфляй»...

...Преувеличение своих недостатков, принижение индивидуальности и, как

результат подобного самоедства, гипертрофированное самолюбие, послужившее причиной счастья и последующего несчастья французского дипломата Рене Галлимара...

Толстые стены, надежные решетки тюрьмы подчеркивают нерешительность движений Галлимара, скованность мысли, загнанную вовнутрь тоску. Он знает, что «никогда не отличался особым умом», не скрывает это, и стыдится, лишней раз заставляя себя чувствовать свою ничтожность. Галлимару нестерпимо больно от измены Его Мотылька — «женщины идеальной», оказавшейся мужчиной и к тому же китайским шпионом. Его Галлимар не пытается анализировать свою жизнь, он лишь хочет вернуть потерянные честь и счастье.

Н. М.: — Каждая новая роль приносит тебе муки, невосполнимые затраты, но как только остаешься без работы, в душу закрадываются сомнения в профессиональной состоятельности.

— А что служит вам исходной точкой при создании роли?

Н. М.: — Иногда отталкиваешься от внешнего: лицо, манеры, походка, речь.

Есть режиссеры, которые могут много говорить о роли, но тебе от этого не становится яснее, каким видится ему твой персонаж. Пази (главный режиссер Русского академического драматического театра) может сказать всего два-три слова об изюминке, и ты понимаешь, к чему нужно идти.

С. М.: — Любый образ можно истолковать по-разному, главное — угадать в нем свое. Ищешь исходное событие, которое раскрывает героя, комплексы, мешающие ему жить, и то, как он будет их преодолевать.

Чем дальше мы уходим в поисках от себя, ища новые грани персонажа, тем труднее и интереснее становится. Словом, ищешь «зерно», вымучаешь его, а потом может получиться, что дальше роль сама выстроится.

— Возникает ли у Вас чувство законченности образа?

С. М.: — Бывают роли по необходимости, когда и режиссер, и ты сам знаешь: «эта маска не твоего размера». В таких ролях существуешь от выхода на сцену и до ухода.

Другие требуют полной внутренней сосредоточенности как до, так и во время спектаклей. Даже после мучительно ищешь, где, что, почему не так, переигрываешь, доигрываешь...

На поклон тоже выходишь по-разному, в зависимости от сыгранного. В тебе еще длится жизнь, которой ты жил до этого, на сцене, но ты существуешь уже вне сценического времени и еще не вернувшись в земное измерение.

...Снимаешь грим, и возникает такое чувство, словно избавляешься от мук и неразрешимых вопросов; но это лишь только кажущееся освобождение, внутреннее будет происходить позднее и гораздо сложнее.

...Нам бывает сложнее раскрыть душу, нежели спрятать ее, хотя... сцена позволяет мне делать то, что никогда не позволил бы себе в жизни. Иногда сам себе удивляешься и, посмотрев как бы со стороны актера и его героев, не узнаешь. В литературную основу ты вкладываешь не свою душу, а возникающую в тебе душу героя.

Прелесть хорошего режиссера в том, чтобы найти неожиданный ракурс и заставить актера сделать не то, что ему хочется, а то, что надо для спектакля. Мне кажется, режиссер должен видеть в актере человека-творца, растворяться в нем, участвовать и помогать его профессиональному росту.

— Я знаю, что Вы выступили в роли режиссера в «Супружеской идиллии»...

С. М.: — Да, но «Супружеская идиллия» была не первой пробой сил в режиссуре. Работать над этим спектаклем мы стали в тот момент, когда практически выпали из репертуара.

Время, зрители диктуют свои условия главному режиссеру, иногда ты не подходишь под эти запросы, и тогда судьба конкретного актера уходит на второй план.

А ставя спектакль сам, я понял, как сложно бывает найти нужного актера.

Начинать пришлось с самой пьесы: переставлять одни куски, убирать другие. В моем решении спектакля его лейтмотивом стала песенка «Нас жены не поймут».

...Малая сцена — несколько рядов кресел, пространство, где любая фальшь становится видимой, где особенно важно установить контакт со зрителем.

И он возникает сразу, как только появляются Мария и Лоренцо, предлагая нам лимонад. Звучит чуть приглушенная музыка, создавая впечатление домашнего уюта. Чтобы было совсем, как дома, грянула... обычная семейная ссора. Тут уж не до гостей-зрителей, разобраться бы, кто виноват.

Как всегда в ссорах каждый считает себя невиновным, пытается доказать и перетянуть зрителя на свою сторону. «Мужья нас не поймут!» — поет женская половина спектакля. «Нас жены не поймут» — вторит им мужская.

Тут из женской солидарности включаются зрительницы, улыбаясь, они поглядывают на мужчин с сознанием полной своей правоты, придавая взглядами сил Марии. Да и мужчины, будучи обычно гораздо более сдержаны, нет-нет и кинут на спутницу ответный взгляд. Эта ссора завершается ко всеобщему удовольствию. А к нам на поклон выходят Наталья и Сергей Матвеевы, сделавшие сегодня все, чтобы помирить своих героев.

Н. М.: — Артист чувствует зрителя даже спиной, а если замечаешь в глазах способность к сопереживанию, к сочувствию, то играешь уже для и ради него.

Зрители каждый раз принимают нас по-разному. Однажды, по ходу действия спектакля пошел дождь, а в театре протекла крыша, зрители, раскрыв зонты, поджав ноги, сидели в зале, и ни один не ушел. Дождь, который идет за окнами, квартиры по пьесе, реализовавшись, заставил нас изобретать и искать.

Иногда, после «Семейной идиллии», мне бывает нужно два дня для восстановления сил. И тогда источником вдохновения мне служат семья, дети.

Мне кажется, ради смеющихся детских глаз, их наивности и веры, ощущения праздника, царящего в душах, стоит играть всех зайчиков, белочек, весь зоопарк.

...Случайно узнаю, что Наталья Матвеева в 70-й школе ведет драмкружок. Решаю пойти. Меня не знают, и я не знакома пока с ней.

Десяток сорвиголов, и не повзвизывая на них ни разу голос, женщина. Она объясняет им, что и как надо делать, как взрослым, а они все так увлечены, что даже не вспоминают о моем присутствии.

...Спектакль «Трехгрошовая опера», тюрьма Олд Бэйли. На сцене две соперницы и предмет их раздора — Мэкки-Нож.

На войне, как на войне. Оружие в схватке верное, не раз испытанное — неукротимые женские языки. Хотя при той ненависти, которую выказывают друг другу столь очаровательные женщины, странно, что в дело еще не пошли коготки.

Недаром Еву соблазнила именно змея, есть в женской природе нечто змеиное. (Не в обиду всем нам будь сказано). А стремительные, переплетающиеся перебежки — броски Полли и Люси, их застывшие, кажущиеся неморгающими глаза — тому подтверждение.

«Деликатная леди», Люси, в исполнении Матвеевой, язвительно-скандальна в каждом слове, каждом жесте, умеет все обратить себе во благо, выживает соперницу из камеры, и на некоторое время даже из сердца — Мэкки. Ей действительно «легче видеть его повешенным, чем с другой».

— Не боитесь ли вы, что однажды не сможете снять «маску», более того, понять кто из вас — кто!

Н. М.: — Маска как костюм. Если ты не можешь снять ее или надеть, это может служить признаком непрофессионализма. А если актер не хочет одеть маску, то в нем что-то сломалось.

С. М.: — Судя по тому, что приходится каждый раз преодолевать себя, примеряя маску, она еще не стала моей второй сущью.

...В театр нас приводит потребность самовыражения. Работа в пустом зале, когда актерские затраты несопоставимы с отдачей, начинаешь задумываться. Теряешься от того, что нужно зрителю, они рвутся на что-то поверхностное, оставляя без внимания талантливое.

Классика, занимающаяся чисто духовным, общечеловеческим, вроде бы бьет в цель, но не разбивает.

...Когда тебе встречаются интересные собеседники, то с ними можно говорить бесконечно. Но актерское время расплывчато поминутно: театр, телевидение, радио, студии. И я благодарна Наталье Ивановне и Сергею Федоровичу Матвеевым, что они нашли время для встречи со мной.

Е. СЛОБОДИНА.

НА СНИМКЕ: Сергей и Наталья Матвеевы в спектакле «Супружеская идиллия». Фото В. КИРИЕНКО.

Молодежь Фрунзе, июль 1991. - 8.05.91. - в. 5.

ТОЛЬКО В НЕРАВЕНСТВЕ САМОМУ СЕБЕ,

19

ТОЛЬКО ПРИМЕРЯЯ ЧУЖОЮ ЛИЧИНУ МОЖНО ПОСТИЧЬ
РАДОСТЬ И ПОЛНОТУ БЫТИЯ...

Разговор с актерами Бишкекского театра русской драмы состоялся накануне его гастролей по Камчатке и Сахалину. Стал он последним в сезоне, и мы рады, что встреча получилась такой искренней. А творческому коллективу театра желаем успешных выступлений. Итак, до осени!

Актеры — представители самой загадочной профессии, должной внушать мистический ужас нормальным людям своей способностью умирать и восставать из небытия по собственному желанию.

Наталья Матвеева — актриса Русского академического драматического театра:

— Мне кажется, что будущие артисты рождаются с предрасположенностью к лицедейству, а вот на подмостки выходят лишь те, кто выживает в процессе отбора.

Сергей Матвеев, заслуженный артист Киргизской ССР, актер Русского академического драматического театра:

— Театр дает мне возможность делать то, что я никогда бы не сделал в жизни...

С чего в вашей жизни начался театр?

Н. М.: — Наверное, с того, что мне самой пришлось организовывать в нашем селе драмкружок. Вообще, сколько себя помню, я все время пела и допелась до того, что поступила в музыкальное училище. В театр же попала только после поступления в училище. Первым увиденным мною спектаклем была «Травиата» Джузеппе Верди, она и по сей день остается моей любимейшей оперой.

С. М.: — Я пел дома и все знали о моей любви к музыке. Иногда я садился на велосипед и уезжал куда-нибудь подальше, нагорланившись, усталый, но довольный, возвращался домой.

В художественной самодеятельности я не участвовал: как только я поднимался на сцену, спазм сжимал мне горло, не давая петь.

Мечтая тайне о карьере певца, после окончания школы, я предпринял попытку поступить в консерваторию. Я не попал туда. К тому времени голосовые мутации у меня еще не завершились.

Мама, видя мои страдания («по театру»), поговорила с главным режиссером Фрунзенского драматического театра, бывшего тогда на гастролях в Алма-Ате. В итоге, я был принят в студию при театре... После нескольких лет работы в театре я отправился в Москву, поступать в ГИТИС, на отделение оперетты.

Н. М.: — Первый год в институте чувствуешь себя человеком, случайно забредшим в искусство, курсе на третьем начинаешь верить в себя, вырастаешь в своих глазах до народного, на крайний случай — до заслуженного.

А когда приходишь в театр, всему приходится учиться заново: общению с партнером, со зрителем..., даже стоять на сцене.

Мне в жизни повезло с педагогами. В школе наша учительница как-то раз сказала нам: «Лучше сказать дважды доброе, чем один раз гадость». И по-детски приняв ее слова, я пытаюсь следовать в жизни этому принципу.

Необычайно благодарна я Г. П. Ансимову, народному артисту ССР, руководителю нашего курса, который сумел заворочить нас на все пять институтских лет, привить вкус к хорошей драматургии.

С. М.: — Наш курс несколько раз срывал распределение, потому что мы вместе с руководителем мечтали о театре мюзикла, костяком труппы которого должен быть наш выпуск. Когда стало ясно, что театра не будет, мы с Натасей решили принять предложение вернуться во Фрунзе.

Как сложилась в дальнейшем Ваша творческая судьба?

С. М.: — Мне как-то не приходится жаловаться на то, как сложилась моя судьба в театре. Работы были разные, широк творческий диапазон. А что нужно, чтобы хорошо сыграть роль, так это получить ту, что наметил себе и тайне мечтаешь.

Мне всегда виделась моя творческая жизнь разбитой на три этапа, вехами которых должны бы были стать шекспировские пьесы: «Ромео и Джульетта», затем «Гамлет» и «Ричард III», наконец, «Король Лир». Но наши желания часто идут параллельно нашей жизни. Пока самыми дорогими работами остаются Кинг в «Смотрите, кто пришел», в спектакле «Старый дом», в только что вышедшем на подмостки спектакле «М. Баттерфляй»...

Преувеличение своих недостатков, принижение индивидуальности и, как

результат подобного самоедства, гипертрофированное самолюбие, послужившее причиной счастья и последующего несчастья французского дипломата Рене Галлимара...

Толстые стены, надежные решетки тюрьмы подчеркивают нерешительность движений Галлимара, скованность мысли, загнанную вовнутрь тоску. Он знает, что «никогда не отличался особым умом», не скрывает это, и стыдится, лишней раз заставляя себя чувствовать свою ничтожность. Галлимару нестерпимо больно от измены Его Мотылька — «женщины идеальной», оказавшейся мужчиной и к тому же китайским шпионом. Его Галлимар не пытается анализировать свою жизнь, он лишь хочет вернуть потерянные честь и счастье.

Н. М.: — Каждая новая роль приносит тебе муки, невосполнимые затраты, но как только остаешься без работы, в душу закрадываются сомнения в профессиональной состоятельности.

А что служит вам исходной точкой при создании роли?

Н. М.: — Иногда отталкиваешься от внешнего: лицо, манеры, походка, речь.

Есть режиссеры, которые могут много говорить о роли, но тебе от этого не становится яснее, каким видится ему твой персонаж. Пази (главный режиссер Русского академического драматического театра) может сказать всего два-три слова об изюминке, и ты понимаешь, к чему нужно идти.

С. М.: — Любой образ можно истолковать по-разному, главное — угадать в нем свое. Ищешь исходное событие, которое раскрывает героя, комплексы, мешающие ему жить, и то, как он будет их преодолевать.

Чем дальше мы уходим в поисках от себя, лица новые грани персонажа, тем труднее и интереснее становится. Словом, ищешь «зерно», вымучаешь его, а потом может получиться, что дальше роль сама выстроится.

Возникает ли у Вас чувство законченности образа?

С. М.: — Бывают роли по необходимости, когда и режиссер, и ты сам знаешь: «эта маска не твоего размера». В таких ролях существуешь от выхода на сцену и до ухода.

Другие требуют полной внутренней сосредоточенности как до, так и во время спектаклей. Даже после мучительно ищешь, где, что, почему не так, переигрываешь, доигрываешь...

На поклон тоже выходишь по-разному, в зависимости от сыгранного. В тебе еще длится жизнь, которой ты жил до этого, на сцене, но ты существуешь уже вне сценического времени и еще не вернувшись в земное измерение.

...Снимаешь грим, и возникает такое чувство, словно избавляешься от мук и неразрешимых вопросов; но это лишь только кажущееся освобождение, внутреннее будет происходить позднее и гораздо сложнее.

...Нам бывает сложнее раскрыть душу, нежели спрятать ее, хотя... сцена позволяет мне делать то, что никогда не позволил бы себе в жизни. Иногда сам себе удивляешься и, посмотрев как бы со стороны актера и его героев, не узнаешь. В литературную основу ты вкладываешь не свою душу, а возникающую в тебе душу героя.

Прелесть хорошего режиссера в том, чтобы найти неожиданный ракурс и заставить актера сделать не то, что ему хочется, а то, что надо для спектакля. Мне кажется, режиссер должен видеть в актере человека-творца, растворяться в нем, участвовать и помогать его профессиональному росту.

Я знаю, что Вы выступили в роли режиссера в «Супружеской идиллии»...

С. М.: — Да, но «Супружеская идиллия» была не первой пробой сил в режиссуре. Работать над этим спектаклем мы стали в тот момент, когда практически выпали из репертуара.

Время, зрители диктуют свои условия главному режиссеру, иногда ты не подходишь под эти запросы, и тогда судьба конкретного актера уходит на второй план.

А ставя спектакль сам, я понял, как сложно бывает найти нужного актера. Начинать пришлось с самой пьесы: переставлять одни куски, убирать другие. В моем решении спектакля его лейтмотивом стала песенка «Нас жены не поймут».

...Малая сцена — несколько рядов кресел, пространство, где любая фальшь становится видимой, где особенно важно установить контакт со зрителем.

И он возникает сразу, как только появляются Мария и Лоренцо, предлагая нам лимонад. Звучит чуть приглушенная музыка, создавая впечатление домашнего уюта. Чтобы было совсем, как дома, грянула... обычная семейная ссора. Тут уж не до гостей-зрителей, разобраться бы, кто виноват.

Как всегда в ссорах каждый считает себя невиновным, пытается доказать и перетянуть зрителя на свою сторону. «Мужья нас не поймут!» — поет женская половина спектакля. «Нас жены не поймут» — вторит им мужская.

Тут из женской солидарности включаются зрительницы, улыбаясь, они по-матривают на мужчин с сознанием полной своей правоты, придавая взглядами сил Марии. Да и мужчины, будучи сбиты гораздо более сдержаны, нет и кинут на спутницу ответный взгляд. Эта ссора завершается ко всеобщему удовольствию. А к нам на поклон выходят Наталья и Сергей Матвеевы, сделавшие сегодня все, чтобы помирить своих героев.

Н. М.: — Артист чувствует зрителя даже спиной, а если замечаешь в глазах способность к сопереживанию, к сочувствию, то играешь уже для и ради него.

Зрители каждый раз принимают нас по-разному. Однажды, по ходу действия спектакля пошел дождь, а в театре протекала крыша, зрители, раскрыв зонты, поджав ноги, сидели в зале, и ни один не ушел. Дождь, который идет за окнами квартиры по пьесе, реализовавшись, заставил нас изобретать и искать.

Иногда, после «Семейной идиллии», мне бывает нужно дня два для восстановления сил. И тогда источником вдохновения мне служат семья, дети.

Мне кажется, ради смеющихся детских глаз, их наивности и веры, ощущения праздника, царящего в душах, стоит играть всех зайчиков, белочек, весь зоопарк.

...Случайно узнаю, что Наталья Матвеева в 70-й школе ведет драмкружок. Решаюсь пойти. Меня не знают, и я не знакома пока с ней.

Десяток сорвиголов, и не повысившая на них ни разу голос, женщина. Она объясняет им, что и как надо делать, как взрослым, а они все так увлечены, что даже не вспоминают о моем присутствии.

...Спектакль «Трехгрошовая опера», тюрьма Олд Бэйли. На сцене две соперницы и предмет их раздора — Мэкки-Нож.

На войне, как на войне. Оружие в схватке верное, не раз испытанное — неукротимые женские языки. Хотя при той ненависти, которую выказывают друг другу столь очаровательные женщины, странно, что в дело еще не пошли коготки.

Недаром Еву соблазнила именно змея, есть в женской природе нечто змеиное. (Не в обиду всем нам будь сказано). А стремительные, переплетающиеся перебежки — броски Полли и Люси, их застывшие, кажущиеся немигающими глаза — тому подтверждение.

«Деликатная леди», Люси, в исполнении Матвеевой, язвительно-скандальна в каждом слове, каждом жесте, умеет все обратить себе во благо, выживает соперницу из камеры, и на некоторое время даже из сердца — Мэкки. Ей действительно «легче видеть его повешенным, чем с другой».

— Не бонтеся ли вы, что однажды не сможете снять «маску», более того, понять кто из вас — кто!

Н. М.: — Маска — как костюм. Если ты не можешь снять ее или надеть, это может служить признаком непрофессионализма. А если актер не хочет одеть маску, то в нем что-то сломалось.

С. М.: — Судя по тому, что приходится каждый раз преодолевать себя, примеряя маску, она еще не стала моей второй натурой.

...В театр нас приводит потребность самовыражения. Работая в пустом зале, когда актерские затраты несопоставимы с отдачей, начинаешь задумываться. Теряешься от того, что нужно зрителю, они рвутся на что-то поверхностное, оставляя без внимания талантливое.

Классика, занимающаяся чисто духовным, общечеловеческим, вроде бы бьет в цель, но не разбирается.

...Когда тебе встречаются интересные собеседники, то с ними можно говорить бесконечно. Но актерское время расплывчато поминутно: театр, телевидение, радио, студии. И я благодарна Наталье Ивановне и Сергею Федоровичу Матвеевым, что они нашли время для встречи со мной.

Е. СЛОБОДИНА.

НА СНИМКЕ: Сергей и Наталья Матвеевы в спектакле «Супружеская идиллия».

Фото В. КИРИЕНКО.